

ЕВГЕНИЙ БЫЛИНА

Российский государственный гуманитарный университет

СУБЪЕКТ В ПОИСКАХ СОБЫТИЯ: ПОЭЗИЯ СЕРГЕЯ ЖАДАНА КАК ВЫРАЖЕНИЕ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ¹

Subject in a Search of Event: Serguey Zhadan's Poetry as an Expression of New Political Thought

Ключевые слова: Событие, историческая субъективность, воображаемое сообщество, Сергей Жадан

KEYWORDS: Event, historical subjectivity, imagined community, Sergey Zhadan

ABSTRACT: In our article we are analyzing the fact that literature is able to be a space of discovering collective subjectivity on the example of the poetry of Serguey Zhadan. The literary experience of Serguey Zhadan, one of the most well-known poets in modern Ukraine, emerges from the recent historical events – the war in the South-East of Ukraine, which started after the revolution – events, which emphasize the necessity to look at the crisis of post-Soviet identity in a new way. Adverting to the analysis of his poetry, we come to the following conclusion: the subject of his poetry takes his part in the nomadic movement between two poles attempting to overcome this crisis. On the one hand, due to appealing it appeals to the tradition and linguistic identity, and on the other hand – to the emancipatory left-wing politics. These poles mean the search of such an Event, which would allow saving unique national unity and the creation of the community, this would mean the true equality. At the end of the article, we conclude that poetic expression of Serguey Zhadan aims to represent the experience of private, unique life which is, at the same time, part of a collectivity and collective history.

Разговор о сообществе, несмотря на то, что политическая, социальная и культурная история XX века подрывала доверие к идеологеме коллективного существования (прежде всего к проекту коммунизма), продолжает тревожить гуманитарное знание и искусство XXI века. Поиск условий возникновения «жизни вместе», предшествующей любым политическим определениям, специфической идеи communion — сообщества и установления коммуникации между его участниками вопреки социальным и политическим институтам, большим рассказам и давлению диспозитивов, остается утопическим горизонтом

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации (МД-6378.2018.6).

для суммы практик не только в современной философии, но и литературе и искусстве. Это утверждение характерно для всего европейского мира и связано с завершением, или, по крайней мере, критическим переосмыслением эпохи Модерна – в особенности его темпорального режима. Революция на Украине и последующая за ней война на Юго-Востоке позволяют вновь взглянуть на истоки и возможность возникновения сообщества в условиях кризиса постсоветской государственности и распада большого исторического цикла: такого рода события конструируют специфического субъекта коллективных отношений, который в критической ситуации получает свою политическую и этическую силу. Ареной, где, на мой взгляд, наиболее ярко совершается поиск и определение этой коллективной субъективности, является поэзия. Или, если говорить другими словами, свидетельство этого поиска неизбежным образом вынуждено обращаться к поэтическому опыту языка.

Примером подобной поэзии и работы с языком может служить творчество Сергея Жадана – возможно наиболее известного поэта и прозаика современной Украины. Поэтическая стратегия харьковского автора подразумевает письмо на рубеже социального: современная критическая ситуация украинской истории служит основанием для формирования его поэтической субъективности. Этот рубеж социального, который служит доминантной темой для его поэзии, проявляется так же и в прагматическом жесте, акте собственной биографии: практически всегда, в том числе и после публикации крайних циклов и книг – «Почему меня нет в социальных сетях» или «Жизнь Марии» – Жадан выступает со своими текстами «на передовой», в том числе и зонах боевых действий, активно вовлекаясь в политическую жизнь общества не только как интеллект, но и как активист. Такое существование на краю политического позволяет выявить ряд существенных черт его поэтики: постоянное ускорение смены событий и внимание к нарративной простоте в его стихах возведено в константу. Концентрация на сюжете и мелодекламативность (нередко жанровая принадлежность в случае Жадана определяется как баллада), позволяют ряду критиков говорить о корнях его творческого метода в поэзии бардов-песенников и раннесоветской поэзии (Э. Багрицкий). В то же время, мифологизация городской повседневности и реанимация народной риторики могут вызывать в памяти опыт украинского модернизма, в частности прозы и поэзии Н. Хвильового и В. Пидмогильного.

Если посмотреть на творчество Жадана в подобных координатах, то эмоциональное напряжение, возникающее в его текстах, может служить следом того исторического и политического напряжения, в пределах которого поэзия Жадана формируется и пытается выразить. Можно сказать, что его стихи сосредоточены вокруг политического раскола, связанного с пост-колониальным и темпоральным кризисом, который переживает современное украинское общество, некоторым «чрезвычайным положением», зоной между аномией

и правом, концептом, введенным в политическую теорию К. Шмиттом и в последствии переосмысленной В. Беньямином и Д. Агамбеном, задавшего концептуальный вектор поиска и конструирования нового субъекта социальных отношений. Согласно Агамбену, чрезвычайное положение подразумевает временное нарушение связей и поведенческих норм, возникающее в результате отмены действовавшего политического порядка: тревожный парадокс современности заключается в том, что это нарушение становится перманентным, чрезвычайное положение становится правилом (Агамбен 2015, 14–15 и 45–46). Это правило стабилизирует границу между властью и имущими, фигурой суверена, и бессильными, базируясь на культурных стереотипах и предубеждениях, которые социально и исторически укоренены так глубоко, что уже не требуют дискурсивного оправдания (Ассман 2017, 239). На мой взгляд, именно это напряжение является драматическим нервом поэзии Жадана. Ярким примером подобного рода противопоставление угнетенных и угнетателей, артикулирование в модальности «войны» образа Врага происходит в этом отрывке из поэмы «Камни»:

Кто пришел к власти в наших городах?
Кто эти мужчины с тысячей иголок, всаженных в горло,
отчего их голоса становятся холодными и опасными?
Кто эти крикливые клоуны,
которые стоят и решают,
стоил ли пробивать нашим домам сердца и выпускать
из них теплую малиновую кровь?

Их политика – битое стекло,
которое они сыплют тебе под ноги,
заставляя идти за ними, не стоять
на месте.
Их политика – это канаты вместо галстуков
на их шеях, крепкие веревки,
на которых их вешают, когда они
выходят из игры.

Вот они сходятся все вместе, в своих
черных костюмах, похожие на трубочистов,
на трубочистов, которые пришли к власти и теперь
просто не знают, с чего им начать.
(Жадан 2016а, 39–40)

В то же время подобная расстановка сил, подразумевающая войну, а следовательно дихотомию Друга и Врага, оказывается недостаточной для определения некоторой общности, или иными словами – сильно огрубляющей

конфигурацию коллективной субъективности, в поисках которой находится художественный жест поэта (Агамбен 2011, 15). В поэзии Жадана, с одной стороны, враг, казалось бы, определим, однако, во-первых, этот Враг слишком аморфен (вроде «детей либерализма» или вообще сводится к абстрактному множественному числу, местоимению «ОНИ») и во-вторых, Жадан не мыслит общество как монолитную структуру: оно у него никогда принципиально не названо в рамках исторических обобщений.

Императив, которому следует Жадан, может быть выражен в его комментарии относительно его «военных текстов»: по его словам, ему важна была не идеологическая повестка, а «люди и конкретные имена» (Жадан, 2015), и исходя из этой оптики его тексты можно воспринимать как своего рода «изнаночную» историю новейшей Украины. Подобный пафос воплощается в предельном риторическом жесте: прямой обращенности к субъекту высказывания и тому, кто его воспринимает – практически всегда осью стихов Жадана является местоимение «ты». Это кочующее местоимение «ты», которое персонифицируется в гипертрофированных, мифологических образах его современников, находящихся всегда, подчеркнуто, в маргинализированном положении, эмблематизирует принципиально двойственное понимание времени и истории, заключенного, однако, в представлении о «воображаемом» или «неописуемом» сообществе, которые тем самым выражают принципиальную двойственность поэтики Жадана. Эта двойственность заключена в отношении прошлого и настоящего, темпорального кризиса модерна, дискретности индивидуального и коллективного переживания, которое стало симптомом культуры XX века. Мифологизируя настоящее и прошлое, Жадан часто обращается к вехам украинской истории и жанровым способам выражения, характерным для украинской литературы, которые становятся прообразом, моделью того культурного нарратива, которые формирует нового коллективного субъекта. Практически во всех своих стихах Жадан скрещивает не только проблему языка и времени, но и проблему присвоения территории и владения территорией – номадическим полюсом формирования национальной идентичности. В стихотворении, очевидным образом апеллирующем к Т.Шевченко, слышен голос номадического видения коллективного существования в истории, которая при этом принимает мессианические черты:

но мы-то прекрасно знаем своих врагов:
сколько их снуёт вдоль нашенских ветерков,
сколько их работает на наших заводах,
сколько их почитает наших богов. [...]

Почему же, Мария, твой сын липнет к этим чужим,
объясняет им, из каких рычагов и пружин

небеса над нами составлены этой ночью,
пестует их детишек и веселит их жён? [...]

А потому наши дети просят тебя передать ему:
пусть валит отсюда в свою непроглядную тьму
и всех чужеземцев пускай с собою прихватит,
тех, кто верит ему неведомо почему. [...]

Пусть забирает книги и свитки, Талмуд и коран,
за околицу пусть уводит этих несчастных цыган,
муфтиев и раввинов, книжников и пророков,
если есть куда вывести этот безумный стан.

А если не выведет, то сам пожалеет о том:
уцелеют лишь те, кто двинет за ним гуртом,
а тех, кто останется и не погибнет в пожаре,
мы сгоним к реке и утопим под тем мостом.

Пусть забирает отсюда этих несчастных людей,
пусть дурит им головы любой из своих идей.

Но пусть вернется потом, чтоб спасти от смерти
если не нас, то хотя бы наших детей.
(Жадан 2016b, 78–79)

Вопреки распространенной в литературной критике позиции о том, что Жадан существует в русле неоромантизма (Воздух 2017, 225–240), на мой взгляд мифологизация, экзотичность прошлого, перевод этого неведомого прошлого на постоянно изобретаемый и приобретаемый язык настоящего, на язык факта, статистики, сведений, позволяет говорить нам о меланхолической, или, еще вернее, аллегорической оптике жадановского стиха, в том смысле, в котором она была сформулирована В. Беньямином и П. де Маном. Согласно двум вышеназванным мыслителям, аллегория представляет собой не только троп, конституирующий художественное произведение и его субъекта, который противоположен символу, но и особый концепт, матрицу для описания культуры и ее дискретного, прерывистого режима темпоральности (de Man 1983, 187 ссл.). Тот сбой, который, согласно Беньямину, произошел в восприятии времени, начиная с эпохи Нового времени или Модерна, был связан с кризисом политических и социальных институтов, прежде всего капитализма, а в большей степени – процесса секуляризации, которая лишила мир некоторой ориентации в будущее, развернула существование человека в прошлое, в пустое время, которое больше не поддерживалось традицией. Аллегорическое искусство, актуальное для эпохи барокко, Франции времен

Второй Республики и новых, пролетарских поэтов-авангардистов стала, по мысли Бенямина, своего рода реакцией на этот кризис, воплотившийся в расколе индивидуального и коллективного опыта: коллективного опыта (как нем. *Erfahrung*), поддерживаемого традицией и уходящего корнями во всеобщее, и шокового, уникального опыта (как нем. *Erlebnis*), т.е. единичного переживания времени, неразрывно связанного с субъектом этого переживания (Spencer 1985, 64–65).

Эта несводимость двух темпоральных режимов стала залогом для формирования новой, модернистской парадигмы и той номадической субъективности, которую она конструирует и которая находится в постоянном колебании между индивидуальным и родовым. Этот парадокс современной мысли ярко представлен в поэтической, прагматической и политической интенции поэзии Жадана. С одной стороны, мы можем наблюдать некоторую программу построения мифологического, воображаемого сообщества-нации, как его понимал последователь Бенямина Б. Андерсон, связанного прежде всего с языком и территорией, которые он понимал как некоторые базовые условия для формирования коллективной общности (Андерсон 2016, 47). Этот мифологический модус выражается в поэзии Жадана путём того, что прошлое, достойное сострадания и жалости, становится масштабным и эпохальным, а сам его стих приобретает лиро-эпические черты. Здесь уместно в очередной раз вспомнить Бенямина и его аллегорию: аллегория обладает другим онтологическим статусом, и она значительно шире символа, в некотором роде она его в себя вбирает, ровно так же как она вбирает в себя миф, который проявляет себя как развертывающийся эпос. С другой же стороны, в больших поэтических циклах («Почему меня нет...», «Камни») мы можем наблюдать направленность в будущее, связанное с единичным, революционным и подчеркнуто левым, мессианическим ожиданием изменения порядка вещей в пользу горизонтальных отношений или сообщества, основанных на опыте «со-явления» (Нанси 2004, 55 ссл.). Другими словами, можно сказать, что Жадан, отталкиваясь от идеи коллективного прошлого, стремится его заново переопределить в пользу новой формы сообщества, которая сопротивляется любому описанию, поскольку его члены не будут связаны между собой какой-либо исторической истиной или способом универсального обобщения. То есть в его текстах происходит некоторый сдвиг от мысли коллективного субъекта, как концепции, которую мы полагаем уже находясь внутри (*красный, правый, украинец, буржуа*), к такому способу мысли, где не гарантированы смысл, идентичность, принадлежность к концепту, который не имеет сущности, относящейся к единообразной коллективности. При таком переустановлении или учреждении «сообщества без сообщества» производится сеть отношений, множественность, которая не связана с расовым, классовым, гендерным, сексуальным и/или культурным единением,

полагаемым как исходное условие. Можно сказать, что такое сообщество ассоциируется с отношениями, сформированными «поперек» этих категорий («существования-с», «братства») – это есть сообщество-без-идентичности, также без всякой репрезентации или возможного описания, «абсолютно нерепрезентируемое сообщество» (Агамбен 2008). Возвращаясь к Жадану, можно сказать, что его герои устремлены в будущее, где они будут связаны между собой исключительно и благодаря событию, а его прагматический жест состоит в свидетельствовании этого поиска:

Потому что мы говорим о городах,
которые давали нам право голоса,
мы говорим о том, что никто пока нас этого права
не лишал, и нужно проговорить все,
что мы помним.
Голос будет держать нас вместе этой долгой
призрачной осенью,
голос будет давать силы нашим горлам,
которые и без того привыкли перекрикивать
трамваи и радиостанции.
Иди на мой голос, следуй за моим дыханием,
что они сделают нам, пока мы можем слышать друг друга,
как они смогут заставить нас замолчать,
пока мы сами этого не захотим?

Их злость рассчитана на молчание,
их эфиры просто не выдержат наших голосов.
Их пресс раздавливает тех,
кто соглашается лечь под него.

Но чем они будут защищаться,
когда все мы заговорим?
На что они будут давить, когда мы выйдем
защищать наших уличных псов?

Как они объяснят, почему мы
должны отказываться от нашего голоса?
(Жадан 2016а, 50–51)

Эта несводимость родового, коллективного и единичного, уникального, которое нам необходимо постоянно удерживать в области политического, поставленная на кон в поэзии Жадана, может быть наилучшим образом сформулирована в понятии последнего события, идеи *Ereignis*, которая возникает у позднего М. Хайдеггера. Последнее событие мыслится как горизонт, при

котором из исторической судьбы вычленяется и присваивается сама скрытость историцирующего принципа, сама историчность. Комментируя этот тезис, Агамбен пишет:

[...] Исторический процесс теперь не может состоять из окончательно отлаженной гармонии (управление которой можно доверить универсальному однородному государству), скорее сама хаотическая историчность, постоянно пребывающая в предпосылке и относящая живого человека к той или иной эпохе и исторической культуре, теперь должна явиться как таковая в мышлении, а человек теперь должен овладеть своим собственным историческим бытием, своей собственной несвоевременностью (Агамбен 2015, 112).

Следовательно, овладение историчностью не может обладать универсальной формой, а должно оставлять зазор и пространство для частной, уникальной, внеправовой человеческой жизни и политики (там же, 113).

Будет большой ошибкой сказать, что модель подобного исторического мышления подразумевает некоторый шаг в сторону организации – путь от хаотической неопределенности в пользу некоторого сверх-порядка. Такое решение противоречит не только жаdanовской перспективе, но и тем идеологическим координатам, которым он наследует. Речь здесь идет скорее о выработке таких новых форм опыта, которые дезактивировали, приостанавливали существующий порядок вещей и тех институтов, которые обеспечивают его существованием. Условием для выработки новой коллективной субъективности и форм сообщества является родовая способность к человеку к коммуникации, мышлению, язык как таковой, которые в ситуации пост-современности становятся движущей силой производства. Парадоксальность опыта родового бытия, который в марксистских терминах вновь реактуализируется в термине *general intellect*, заключается в том, что отныне процесс труда требует участия другого, иными словами некой публичности, однако же эта публичность не может получить своего политического выражения (Вирно 2013, 68–69). В то же время подобный негативный аспект существования сообществ – множеств содержит в себе некоторый позитивный итог: язык как таковой начинается мыслиться не в категориях обладания и присвоения, но в категории «пользования».

Всеобщность «голоса», который будет «держат нас вместе» постулирует принципиальный отказ жаdanовской политики от каких-либо универсализирующих категорий, которые могли бы выступать в качестве репрессивных институтов. Человек – это тот, кто может молчать или говорить, действовать или бездействовать – тем самым это та сфера возможностей, которая далека от нормативной фактичности, которая может быть выражена обладанием или присвоением. Сообщество – это всегда нечто свершаемое в действии,

подобно перформативной природе языка: точно так же, как язык, который по Беньямину прежде всего служит сообщением не того или иного факта, но самого события «сообщаемости», человек является суммой возможностей, а не какой-либо застывшей идентичностью (Агамбен 2015, 20). Поиск подобных возможностей (которые и есть потенциал сообществ, человек как таковой) среди мест пересечений исторического и современного, этнического и интернационального и является тем номадическим импульсом поэзии Жадана.

Стремление Жадана репрезентировать или воспроизвести в поэтическом жесте этот опыт уникальной и единичной жизни, можно воспринять как попытку преодоления негативного опыта индивидуальных или коллективных страданий, которые остаются невысказанными, ибо они остаются на обочине и не оформленными соответствующим культурным нарративом (Ассман 2017, 238). Сама возможность общения может содержать в себе позитивную возможность для человека получить опыт своей собственной речевой сущности – не того или иного содержания речи, управляемого каким-либо истинным предположением, но самим фактом того, что мы говорим. В поэтическом слове субъект наконец-таки может обрести себя и осознать собственную субъективность в родовом и коллективном поле. Поэзия остается опытом, в котором мы можем не занимать позицию, находясь одновременно «вовне» и «внутри», тем самым становиться на место Другого, говорить от его лица, и таким образом утверждать его. Возможно, поэзия, примером которой выступает поэзия Сергея Жадана, может служить местом и способом выражения той политической материи, с которой мы имеем дело сегодня.

Библиография

- АГАМБЕН, Д. (2008), Грядущее сообщество. Москва.
- АГАМБЕН, Д. (2011), Номо Сакер. Суверенная власть или голая жизнь. Москва.
- АГАМБЕН, Д. (2015), Средства без цели. Заметки о политике. Москва.
- АНДЕРСОН, Б. (2016), Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Москва.
- АССМАН, А. (2017), Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. Москва.
- ВИРНО, П. (2013), Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. Москва.
- ВОЗДУХ (2017), Воздух. 1 [журнал поэзии; статьи М. Липовецкого, И. Кукулина, А. Маркова].
- ЖАДАН, С. (2015), Почему меня нет в социальных сетях? В: <http://www.colta.ru/articles/literature/7183> [доступ 29.09.2017].
- ЖАДАН, С. (2016a), Огнестрельные и ножевые. Санкт-Петербург.
- ЖАДАН, С. (2016b), Всё зависит только от нас. Озольники.
- НАНСИ, Ж. Л. (2004), Бытие единичное множественное. Минск.
- MAN DE, P. (1983), Blindness and Insight: Essays in the Rhetoric of Contemporary Criticism. Minnesota.
- SPENCER, L. (1985), Allegory in the World of the Commodity: The Importance of Central Park. In: New German Critique. 34, 59–77.

